
18+
Светлана Королева
Дорога сердца
Вытворчество из глубины души

Светлана Королева

Дорога сердца. Вытворчество из глубины души

«Издательские решения»

Королева С.

Дорога сердца. Вытворчество из глубины души / С. Королева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964723-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Любите ли вы стихи? А много ли прочитали стихов в своей жизни? А всё ли вы знаете про стихи? Вот я всегда думала, что прочитала слишком много стихов, чтобы чему-нибудь удивляться. Я искренне считала, что знаю про стихи очень много. Так было, пока я не познакомилась с Ней…

ISBN 978-5-44-964723-8

© Королева С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 7
Сердце цвета мандарина 8
Всем доброго времени суток! 9
«Я когда – нибудь захочу вязать…» 10
«Небо из моего окна…» 11
«Как же хочется мне написать стихи…» 12
«Вены, сосуды и капилляры-дорог от тебя до него…» 13
«Посмотрите лучше на эту правду…» 14
Весна 15
Мышь 16
«И кажется, что тяжело дышать…» 17
«На нашей стороне любовь…» 18
«Родная… Я чувствую, как тебе плохо…» 19
«Какая все-таки свобода – говорить правду…» 20
Прощай, Февраль! 21
«А ты словно подснежник, милая…» 22
«Поиск иного смысла. Поиск себя среди кружек остывшего кофе и солнца не-по-февральски сочного…» 23
«Все испытания даны для силы: веры, слов, мгновения, бесценности объятий…» 24
«И теперь я знаю: кишит мимо жизнь моя прошлая, изувеченная невнятными заботами…» 25
Моей Валюшке 26
«Сколько сказано, сколько спето…» 27
«Как здорово, что мне не нужно подбирать слова…» 28
«Остановите!..» 29
Откуда я знаю, что это любовь?! 30
«Я, любимый, раньше бежала…» 31
«Только ванна, стихи и я…» 32
«А что ты, в принципе, знаешь?..» 33
«Ты спишь, любимый, а я смакую нашими встречами…» 34
«Боже! Спасибо тебе за него!..» 35
«Мне бы закрыть глаза и спокойно сладко уснуть…» 36
«К любви невозможно привыкнуть…» 37
«А у нас за окнами разные города…» 38
«А зима чёрно-белая правду не ищет…» 39
«Действительно… Поднимайся на горы, карабкайся, жилы рви…» 40
Тот Самый Человек 41
«А я так соскучилась…» 42
«Бег, оголтелый, вечноотсталый бег…» 43
«Слушай меня, Луна, мелькай за окном желтоватой улыбкой…» 44
«Боже! Спаси метущиеся души, зажатые в тиски разумом…» 45
«И знаю теперь: одно целое мы…» 46
«Осталось дослушать прелюдию и вот оно… Счастье!..» 47
«Надо же… Как Любовь наполняет Жизнью секунду каждую…» 48

«Сколько дорог истоптано…» 49
«Что же хочется больше всего?..» 50
«Держи… Вот тебе минута золота. Мгновение, которое прожить от вдоха и до выдоха…» 51
«Здравствуй, мой Рим, в который вели меня все дороги…» 52
«Милая… Ещё несколько стихов, и Он будет рядом…» 53
«И каждый Божий день писать стихи…» 55
«Почему-то всегда пытаются любовь судить те, кто не кормил с руки даже маленькой влюблённости – птицы…» 56
«Первое декабря! С Зимой тебя, любимый!..» 57
«Я даже во сне пишу нашу жизнь стихами…» 58
«Пожалуйста, будь моим противоядием…» 59
«Тебя никто никогда не поймёт…» 60
«Когда суета завертит так, что понадобится колесо пятое…» 61
«Береги. Береги меня…» 62
«А у нас за окном – снег…» 63
«Ох уж это время без тебя…» 64
«На самом деле, дар Божий и лучший подарок жизни – встретить друг друга…» 65
«Мой самый лучший!..» 66
«Сын!..» 67
«Милая, ложись и спи…» 68
«А я знаю точно – наша жизнь начнётся скоро-скоро. Знаю…» 69
«Мне бы укрыться пледом. Напополам. От кромешности обстоятельств и от бумажности дней…» 70
«В любом месте – дом, если я в объятиях твоих…» 71
«Молчи. Не говори, пожалуйста, ни-че-го…» 72
«Ох, как бы я хотела лунным светом в постель к тебе…» 73
«М и Ж встретились из одной песни…» 74
«Каждая мелочь, каждая великолепная мелочь возле тебя – праздник-радости…» 75
«Кофе с капелькой молока…» 76
«Девочка! Тебе 14…» 77
«Завтра ноябрь? Правда? Да неужели?..» 78
«Завьюжило, заметелило…» 79
«Если у твоей дороги нет сердца. Остановись. Выдохни. И оглянись по сторонам…» 80
«А у меня такая осень с тобой… Разноцветная…» 81
«Не ешь сладкое – калорийно…» 82
«Только тебе. Слышишь? Только Тебе!..» 83
«Говорят, что в счастье стихи молчат…» 84
«А это толпа одиночества…» 85
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Дорога сердца
Вытворчество из глубины души

Светлана Королева

Составитель Валентина Спирина
Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Светлана Королева, 2019
© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4723-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Любите ли вы стихи? А много ли прочитали стихов в своей жизни? А всё ли вы знаете про стихи?

Вот я всегда думала, что прочитала слишком много стихов, чтобы чему-нибудь удивляться. Я искренне считала, что знаю про стихи очень много.

Так было, пока я не познакомилась с Ней… Она перевернула все мои знания и представления о том, какими должны быть стихи. С самых первых строк и по сей день, Её творчество для меня как удар молнии среди чистого неба и, окунувшись в мир Её творчества, я поняла, что и мой мир уже никогда не будет прежним, что и я не смогу уже писать как раньше. И скажу даже больше – ваш мир тоже уже не будет таким же, как раньше.

Её творчество – это… Я не побоюсь сказать это вслух. Её стихи – это Кандинский, Ван Гог и Малевич в картинной галерее. Это Клаудио Монтеверди, Берн, Вебер, Шёнберг в музыке.

Это яркие цветы на снегу и снежная буря в жарком июле.

Вы думаете, что я преувеличиваю?

А вы возьмите и прочитайте и даже если имена, написанные выше, ни о чем вам не говорят, вы всё-равно поймете о чем идет речь.

Когда стихи как приговор, диагноз, вердикт или молитва. Когда каждое слово либо бальзам на сердце, либо последний гвоздь в крышку твоей надежды.

Всё именно так. Просто не будет, ибо…

Ибо она – Королева.

Светлана Королева.

Валентина Иванова (Спирина) – главный редактор интернет-проекта «Девять Жизней», создатель группы «Территория Творчества» в Контакте, кандидат в члены Интернационального Союза Писателей.

Сердце цвета мандарина

Всем доброго времени суток!

Я – Королева Светлана, по профессии – учитель музыки, а в душе – поэтесса, писательница, певица и вечно молодая 17-летняя девчонка!

Творчеством увлеклась очень рано – в возрасте 8-ми лет, когда уловила красоту рифмы, случайно слетевшую с моих младых уст. В школе писала отменные сочинения, часто настолько приукрашивая сюжет, что учителю русского языка и литературы становилось не по себе. Чуть позже – годам к 15 – я начала не то чтобы писать стихи, я начала выстреливать рифмами, порой уносясь в мир воображения на долгие часы.

Следом за рифмоплётством увлеклась прозой. Затем на какое-то время отвлеклась от творчества, занялась вплотную учёбой. Но, как говорится, от себя не убежишь. Совсем недавно выпустила свой сборник рассказов и стихов под названием «И мне это нравится». Так-же постоянно собираем со знакомыми авторами совместные книги, общее название которых «Девять жизней».

**А еще, Светлана – главный редактор журнала «Луч Светы», который рассказывает на своих страницах о, пока ещё неизвестных, но очень талантливых авторах. (прим. редактора)*

«Я когда – нибудь захочу вязать…»

Я когда – нибудь захочу вязать…
Да, о Боже, я захочу вязать!
Я улягусь старенькая в кровать
С видом мудрости великой и теплоты.
Ну, а рядом пуховое одеяло делишь ты:
Тот же ласковый, нежный, добрый и с полувзгяда мой до счастливой яркости простоты.

Я когда-нибудь захочу сажать огород…
Да, о Боже, я захочу сажать огород!
Чтобы внуков угощать помидорами целый год
И закатывать банки запасливо и с душой,
Ну, а ты-любимый, будешь смеяться со мной
И болтать-болтать-болтать обо всем, ни о чем… Наперебой.

Я когда-нибудь буду печь огроменные пироги…
Да, о Боже, я буду печь огроменные пироги!
И устраивать по-семейному вкусные четверги!
Ну, а ты – родной, подшучивать над моей суетой,
И над тем, как напыщенно-важно бываю я занятой,
И над тем, что убежавшее тесто я называю бедой.

И это «когда-нибудь» непременно случится с нами…
Да, о Боже, это точно случится с нами!
Мы любовь через всю жизнь! И с любыми ветрами!
Мы – единое, милый! Давно уж семья сердцами!

«Небо из моего окна…»

Небо из моего окна…
Нет, не лазурь, это что – то прекраснее,
Голубоватых оттенков букет
И зефир-облаков словно делит его на территории,
Кто – то сидит на них и выдумывает истории,
Те, что с любовью, искрой… Легенды, мифы и басни.
Те, у которых начала и продолжения нет.
Небо из моего окна…

Солнечные лучи красят кости деревьев
В рыжее. Мне бы краски и кисть,
Лихо нестись, автограф брать у весны.
Ну, а потом тебя. Чашки с чаем, мед и цветные сны.
Гайдн, Шопен, Шуберт, Бетховен, Лист…
Все воспевают жизнь. Несмотря на разрыв на канате-нервов.

Небо из моего окна…
Дарит надежду на печали – изгнание,
На бескомпромиссное обесточивание тоски,
На полноту счастья. Простого, душевного равновесия
И на отмену для свободной души репрессии.
Отогреться от февраля. И к себе – истине марш – броски,
Всех желаний, мечт и целей – воссоздание.
Небо из моего окна…

«Как же хочется мне написать стихи…»

Как же хочется мне написать стихи,
Чтоб хоть как – то объять необъятное,
Чтоб тоска – громоподобно в тепло.
И чтоб были они легки и тихи,
Ты прочел и тебе приятно!
Улыбнулся, перечитал и светло!

Как же хочется каждой буквой к твоим губам,
Интонацией гладить, ласкать, прикасаясь едва – едва…
Да, любимый, я знаю, что это всего лишь слова!
Но они словно бригантина с гребцами-мыслей к твоим берегам.

Как же хочется рук. Самых великолепно-родных,
Утонуть в их любви, забывать обо всём,
Переплавить себя в молчание-золото.
Это мир будто создан для нас – двоих,
И когда мы вместе, мы жизнь в унисон поём,
И печаль с её оттенками перемолота.

Мне, родной, так легко на качелях: то плакать, а то смеяться до слёз в уголках глаз,
То мечтать, а то серой вуалью закрыться от солнца-марта.
Но с тобой хорошо дышать. Даже воздухом предлагаемого авангарда.
А любовь разлилась океаном. К тебе. Из рифмованных сердцем фраз.

«Вены, сосуды и капилляры-дорог от тебя до него…»

Вены, сосуды и капилляры-дорог от тебя до него,
Пульс еле слышен, когда его музыка на твоих губах,
Если он говорит «моя», то все остальное испепеляется в «ничего»,
Если он говорит, то тишина расщепляется облаками райскими в небесах.

Взять бы билет на манящий поезд. И слишком сладким маршрутом
От тебя до него. Шепотом. Криком. И наплевав на каноны,
Самой черной до страсти ночи или бескрайне-горячим утром
Сердцем к нему ворваться. Чувством, мыслью и стоном.

И проводник, теребя отчаянно время,
С легкой тревогой в глазах, на тебя – отлюбвисумасшедшую глядя,
Будет чай предлагать с надеждой в рассказ поверить,
Нервно крутить в безысходности волосы – пряди.

Ну, а пока он живет за этим миром зеркальным,
Тихо встречает гостей, провожает маму до станции дачи.
Все же дыша в твоем сердце чудом сакральным
И навсегда зарубкой оставшись значимой.

«Посмотрите лучше на эту правду…»

Посмотрите лучше на эту правду:
Аргументов сто тысяч вразрез и против,
Боевых, бывалых «любви-солдатов»,
Для кого каждый день – в эконом-обороте.

И глядите, ведь знают, что сердце глухо,
Что броня крепка. Не пробить и взрывом,
Не сманить усладой – бумажным пиром,
Не внести разрядом в душе разруху.

Но упорно, цельно и воедино:
В миллиметры слов – километры жажды,
Жажды чуждой славы и взглядов мира.
Но, увы и ах, как для ртути – нейтрино.

Посмотрите лучше на правду Божью:
Что с любовью, то непременно дышит,
То живО! А все остальное – титрами-ложью.
Кто с любовью – тот сердце своё огромное слышит.

Весна

А весна вовсю кричит в окно:
«Надевай пальто, сапоги из резины, шапку полегче, да шарф цветастый!
Я пришла, я капелью в твои стихи, я по венам пением первых птиц.
И совсем напрасно
В печали ты и тоске. И мысли – мозаичное панно…»

А весна спешит. Ей, как девушке молодой, светлоокой
Хочется петь, кружить, танцевать, искриться.
Самой нежной и тайной мечтой у кого – то в сердце сбыться.
И разлиться теплом в засухе-разума быстрой рекой широкой.

А весна не даст упасть. И не даст тревогам бить по живому.
А весна за тебя. Весна за жизнь. За мгновение, радость, улыбки и за самого Бога,
И за то, чтоб покинута навсегда была опостылевшая берлога.
И за то, чтоб душа – открыто, мирно, искренне – к своему дому.

Мышь

– Придушить бы эту вечнонедовольную мышь!

– Кого – кого?

– Да эту гадину, которая сидит в засаде, когда все хорошо. Но, стоит только немного скиснуть настроением, как она несётся, течёт незаметно по венам, будоражит, портит, анализирует, режет разумным холодом и жрет, жрет, жрет…

– Что жрет!?

– Да все… Нервы, силы, эмоции… Процарапывает тропинку к сердцу и, добираясь, вгрызается в него своими острыми равнодушными зубками.. И тогда…

– И тогда… Что?!

– И тогда не сцену выходит великолепный, непревзойденный, освежающий, отрезвляющий главный герой. Соратник и помощник мыши. Буквально её правая рука.

– Сомнение?

– Смотри шире! Ум!

– Ум? Это плохо?!

– А кто говорил, что это плохо? Это скорее… Никак… Да, это по-никаковски.

– Например?

– Ну, например… Знаешь, есть такие шкафы, впихнутые пронырливыми мелочными дельцами посреди невинной улицы? Они ещё варят отвратительный кофе. Даже предлагают несколько вариантов: хочешь латте, хочешь капуччино, хочешь эспрессо, американо… Ваниль, корица, сахар… Вода, молоко, сливки… Вот, вроде есть все, понимаешь?

– Понимаю…

– Неа. Ничего нет. Но одновременно и есть. Есть только жалкая иллюзия кофе, подобие, несуразная жижа с признаками горечи.

А теперь понимаешь всю силу этой мыши? Осознаешь масштаб её действий? Вникаешь в суть последствий?

– Кажется… Это депрессия?

– Да ну! Какая к чертям собачьим депрессия! Депрессия – это состояние души. Малейший, едва уловимый, дождливый, серый, монотонный оттенок. А тут мышь! Ещё и с разумом за руку. Понимаешь?

– Не совсем…

– А я скажу тебе почему не понимаешь! Просто ты, как и большинство двуногих, прошу прощения конечно, но хочется называть все своими именами. Так вот… Практически все подкармливают свою внутреннюю мышь. И, кстати, как бы это абсурдно не звучало – они кормят её положительными эмоциями. Хотя нет. Не так. Они кормят мышь надуманными радостями, фальшивыми ценностями, лживыми улыбками и двуличным позитивом. И мышь растёт, растёт… Как в той сказке: «Не по дням, а по часам…» И разрастается до таких размеров, что стирается грань…

– Какая грань?

– Та грань, которая у более – менее честного с собой человека, разделяет мышь от истины. Или, если хочешь, которая держит прожорливого маленького грызуна в клетке.

Но такая мышка практически безобидна. Можно изредка подкидывать ей кусочки разочарования, слепого счастья, безразличного анализирования… Можно даже проводить опыты…

– Опыты?

– Ну, это потом. И так слишком много слов. Слишком много. А то мышь услышит, обрадуется и начнёт расти с удвоенной силой.

«И кажется, что тяжело дышать…»

И кажется, что тяжело дышать,
Что сердце бешено ломает рёбра,
Что мир – уже не тот, а до последнего кирпичика разобран,
Что остаётся лишь смиренно лечь в кровать.

И сил как будто выдоха на два,
На то, чтобы без боя, без отпора и сопротивления.
И добровольно – в пасть упасть лжемнения
И вовсе не делить закоренелой «истины» слова.

А воздух слишком груб для лёгких, непригоден,
И обстоятельства, как камень у Сизифа. Шаг за шагом. Тщетно.
Безлико и тоскливо. Серо. Дико. Беспросветно.
Не с теми и не там минуту за минутой хороводим.

Но даже если с головой – в болоте нелюбви, в трясине – суеты,
Но даже если заросла дорога к счастью пыльным, спутанным бурьяном.
Я буду сантиметр за сантиметром. Лишь к тебе. Навстречу. Рьяно.
И буду улыбаться, жить от мысли, что на свете есть любимый-ты.

«На нашей стороне любовь…»

На нашей стороне любовь,
А значит – сила, вера, радость, Бог.
На нашей стороне – любовь,
А значит каждое мгновение – бесценно, и даже если между – разветвление дорог.

На нашей стороне любовь,
Хотя порой нам кажется, что изнутри съедает холод.
На нашей стороне любовь
Все перетерпит, перемолит. И наш мирок все выдержит, хоть и проблемами исколот.

На нашей стороне любовь.
Рука в руке. Объятия – в галактику портал.
На нашей стороне любовь.
Давай, любимый, до самого конца хранить тепло, которое с небес нам Бог послал.

«Родная… Я чувствую, как тебе плохо…»

Родная… Я чувствую, как тебе плохо,
Как в сердце сквозняк свищет, свищет и свищет,
Как раздается внутри оглушительный разума хохот,
И как душа одинокой флейтой поёт и тепла ищет, ищет и ищет.

Я знаю, родная, в городе нелюбви фонари разбиты…
Разбиты чувства, лица… В глазах – северо – ледовитый.
И кажется, что не по силам… И что не вместить в себя горя-безразличного габариты.
И что даже солнце полувесеннее светит исподтишка и сердито.

Но я с тобой, родная. В любую твою минуту.
С тобой – перемолим, перемолчим, перетерпим и снова, о Боже, живы!
И в очередное, прекрасное, яркое, долгожданное утро…
Ты с лёгкостью отделишь свой мир чудес от мира – лживых.

«Какая все-таки свобода – говорить правду…»

Какая все-таки свобода – говорить правду,
Какая сила – не отчитываться перед теми, кто к тебе так глух,
Какая радость – превратиться в слух
И впитывать слова всем сердцем, как награду.

Какое ликование – быть рядом с теми, кто тобой живёт,
Кто ценит каждый штрих на раненной от вечнопонедельников душе,
Какое счастье – разбивать о скалы-собственного мнения истертые клише,
И как невероятно-сладко – слышать, как внутри по-соловьиному любовь поёт.

Какой великий дар – почувствовать себя, понять
И не делить, как прежде, на куски: тому, сему и этим…
Какое наслаждение – спросить: «А кто я?» и мгновенно, с точностью ответить.
Ответить, согласиться с ровной гордостью, безоговорочно принять.

Какая все – таки свобода – говорить себе правду.

Прощай, Февраль!

Февраль уже почти полностью заграбастал весну. Он буквально наполнился дыханием марта, скользя приятным холодком между пальцев, радостно снявших с себя оковы меховых перчаток. И в эту пору так здорово задуматься, уйти в личный мирок, покопаться в закромах возродившейся души, вытащить себя на свет, погреться в лучах сердечной неги и понять, что все, что кажется важным – на самом деле надутые мыльные пузыри, которые лопаются после первой искренней улыбки.

И, когда заботы не хватают за горло, проблемы не окутывают туманом, можно подумать о самом бесценном. О любви.

Для себя я сделала совершенно простые и, в то же время, невероятно-алмазные выводы. Итак. Если это любовь, то тебе больше не захочется себя менять. Вообще. Нет больше смысла в том, чтобы моделировать себя – новую. Нет больше потребности в себе – напыщенном павлиньем идеале. Нет больше радости – часами изводить нервную систему, вытаскивая из клубка-себя по одной тоненькой ниточке. Ты – это просто ты. И тебя (такую ТЕБЯ) – любят! И ты (такая ТЫ) – любишь! Ничего не хочется менять, и, тем более, менять кого – то. Мир – это мир. У него свои заботы, свои дела. Ты не меняешь его, ты не злишься на него. Ты просто его принимаешь. Говоришь ему: «Эй, мир! Ты бываешь разный. Но я соглашаюсь с каждым мгновением, с каждой секундочкой твоего проявления!»

А в ответ – Мир радужно улыбается, льётся градом, свищет северным ветром, блещет молнией, колется снегом. И это он так принимает тебя.

Но вот в чем парадокс: несмотря на то, что ты – это ты, все же в любви: ты – это самый лучший ты, самая яркая, добрая, искренняя часть тебя. Это возвращение к себе – ребёнку, который не знал критики, самокритики, который не просил и не требовал, а благодарно принимал; который всей душой верил, всем сердцем ощущал спокойствие и всем разумом знал, кто он есть.

«А ты словно подснежник, милая…»

А ты словно подснежник, милая…
Съёжилась под слоем собственного снега:
Мёрзнешь и дрожишь, в каждом вдохе – лишь тревога.
А в душе – манит-манит взрывоопасная дорога,
Сладость будущего, крылья нерастраченной любви и мечт – воздушных нега,
Как же хочется быть слабой, несмотря на то, что очень сильная.

А ты словно подснежник, родная…
Выжидаешь. Так прекрасна, но никто ещё не видит эту красоту,
В четырёх стенах, как в личном омуте-спасителе,
Сценарист и режиссёр – себя. И в глазах своих – единственного зрителя,
В злости бестолковой выделяя только чуть живую доброту,
Зная – что такое ад, но шагая к сердцу- только в сторону земного рая.

«Поиск иного смысла. Поиск себя среди кружек остывшего кофе и солнца не-по-февральски сочного…»

Поиск иного смысла. Поиск себя среди кружек остывшего кофе и солнца не-по-февральски сочного.
Поиск работы, чтобы кормила, поила и вдохновляла. Чтобы учила жизни и будущему заочно.
Поиск кота – на автомате – кормить и гладить по шерстке три раза.
Поиск без опыта, чтоб у акул-РАБотодателей вымолить «перезвоним» – отказа.
Поиск надежды: закрыть холодильник и снова открыть – само появится может!?
Поиск одежды: по углам ворчливого по-стариковски-шкафа, с которым договориться сложно.
Поиск лопаты-вопросов: копать и копать. Себя. Глубоко. До сердцевины истины.
И тараканов поиск, которые до конца с тобой и в огонь, и в воду выстоят.
В поиске вся жизнь. Перед глазами. Снаружи и изнутри. Да около.
Тот ли вагон? Тот ли рядом жалуется сосед?
То ли место по серым дождём? И так ли сердце заохало:
Странно-сочувственно из – за очереди автоматной чужих бед.
Поиск иного смысла и результата в конце пути.
Так ли старался? Так ли бежал? Не повредил ли колени?
Остановите поиск… Позвольте себе просто идти,
Просто дышать, пусть даже жизнь ещё не повернулась апрелем.

«Все испытания даны для силы: веры, слов, мгновения, бесценности объятий…»

Все испытания даны для силы: веры, слов, мгновения, бесценности объятий.
Всё сбудется. И как бы не просили. Отсеет жизнь: пустых, наивно-лживых, вспинускалящих приятелей.

Отсеет через решето бессмыслия: проделки утра-суеты, бескровие февральских вечеров.
И разорвёт на части мысли, развеет их у ног размеренности-берегов.

И будет вам на всё ответ – любовь. И будет дом, тепло, уют в морщинках возле глаз,
И будет борщ, и будет плов,
И будто заново себя. И словно с чистого блокнотного листа – рассказ.

Не бойтесь испытаний, ибо трудности – барьеры (говорю вам, это точно) к счастью,
Желайте, не стесняясь собственных желаний.
И смейтесь! Смейтесь! Смейтесь! Дышите жизнью, наполняя воздух безрассудной страстью!

«И теперь я знаю: кишит мимо жизнь моя прошлая, изувеченная невнятными заботами…»

И теперь я знаю: кишит мимо жизнь моя прошлая, изувеченная невнятными заботами,
Автостопом чужих мнений, бесконечно-долгой травлей пятницы перед субботами,
Одержимостью стен, заточивших голос истины, дышащей маскарадом.
И теперь я знаю: круговерть железобетонно-условная – для сравнения, вовремя. Так, как надо.

И пускай я не принята. И пускай каждый вдох для других – не такой, как «положено»,
И пускай мне дорога не по прямой, через леса-советов упрямых и по буреломам-ворчаливости серой проложена.
И пускай. Мы у Бога под боком. Каждый – ребёнок Его самый любимый,
Хоть и разные. Совершенно разные. Каждый – с набором своей правды неповторимой.

И теперь мне так хочется только собой быть. И только с теми рядом,
Кто запомнит секунду возле. Секунду до. И секунду после. Обнимет взглядом,
Прикоснется сердцем: так чисто, с любовью. Душой поцелует нежно-нежно
И поверит. В меня, как в себя поверит: крепко, надёжно и безусловно-безбрежно.

Моей Валюшке

Наслаждайся, милая, это лишь только твой момент,
Наслаждайся, мурлыкай, лежи на краю кровати,
Пусть судьба за несчастные дни пени заплатит,
Оставляя тебе – безлимитного счастья абонемент.

Как же здорово видеть тебя в нирване,
Пусть она мимолетна. И что ж, наши мысли – и те не вечны.
Наслаждайся, родная, пусть ночь опустит нежно занавес на твои плечи,
Ну а ты соберёшь всех звёзд серебро в карманы.

Мне так нравится, милая, что эмоции хлещут океаном,
Что настолько живое твоё сердце, упрямое, рьяное.
И что Муза твоя по-особому мартовски-пьяная.
Наслаждайся, милая, не заслоняя душу серым-умом-туманом.

«Сколько сказано, сколько спето…»

Сколько сказано, сколько спето,
Сколько выстрадано стихами-сиротами,
Сколько пройдено лесом, пустыней, степями, болотами,
Сколько завоевано пьедесталов, которых возводит упрямо система – планета.

Сколько слез-мимо пролито и ночей сколько вокруг сна,
Сколько лезвий – по сердцу, и на душу сколько камней заточенных,
Сколько взглядов прямых, нелюбимых и обесточенных,
Сколько февраля, для того чтобы снова запела весна.

Сколько дыр в кармане пропитых-тоскою-будней,
Сколько жажды до радости детской, но дерзкой и странной,
Сколько поездов, самолётов – совсем не к себе – а в другие страны,
Сколько дней – тумана до страшного дня – судей.

Сколько ран затянутых благодаря искусственной амнезии,
Сколько солнца – восходов в игноре глухих штор,
От соседей, казалось бы, слишком счастливых, трехметровый забор,
От хороших дел – четыре серых стены – неврастении.

Сколько можно тратить себя на хромые смыслы – болезнь веков?
Сколько раз вам сердце от крика теснило ребра?
Перестаньте мысль искать там, где всё поблёкло,
Находите жизнь только там, где царит любовь.

«Как здорово, что мне не нужно подбирать слова…»

Как здорово, что мне не нужно подбирать слова,
Собой играть наполовину,
Глотать стеснение, кривляться в спину,
И мысли-сорняки не рвать. И не бояться смысла-серебра.

Как здорово, что можно просто жить,
На пазлы сыпаться от радости. И вновь – обратно.
Как хорошо и как божественно-невероятно
С тобой шагая весело и сладко, ногами мир крутить.

Как здорово, что есть на свете ты, любимый!
Такой родной и близкий, самый лучший,
Который голосом живым разгонит мои тучи,
С которым все тревоги и сомнения мимо.

Как здорово, что, наконец, пристанище мне на земле
Навеки ты. Молитвами. От Бога.
И что теперь с тобой моя бежит дорога,
Как здорово. Как хорошо мне.

«Остановите!..»

Остановите!
Куда бегу? Дайте выдохнуть, да сердце бешенное унять немного.
Кажется, что по лезвию правды иду, но совсем, но совсем не своей дорогой!

Остановите!
Отцепите вагон! Я устрою в нем праздник-отшельника.
Напоет одичавший перрон, что не нужно отчаянно ждать бесконечного «понедельника».

Остановите!
Помолятся те, кому нужно сменить повязки-стабильно-кровавые.
И незрячие обретут красоту в темноте.
И дождётся старушка-Ассоль, наконец, паруса свои алые.

Остановите!
Подарите момент себе! Эта жизнь ненавидит раскрошенного безразличия!
Сделайте глупость назло сварливой судьбе,
Наплевав океаном-смеха на все дребезжаще-больные приличия.

Остановите!
Все хорошо! Это чувство только в ваших руках. Не опускайте их, да не раскачивайте гордостью важной.
Полной грудью воздух. Ещё и ещё.
Надышитесь любимыми. Налюбуйтесь секундой каждой.

Откуда я знаю, что это любовь?!

И тогда ты зайдёшь в мой безветренный личный мирок, на цыпочках, еле дыша, переминаясь с ноги на ногу, подумаешь о прошлых неудачных словах-бритвах, аккуратно, по-детски смущённо коснёшься взглядом моих расправленных плеч и, наконец, преодолев себя, спросишь: «Откуда знаешь, что это любовь?»

А я посмотрю в твои родные, честные, заботливые, такие добрые и до мельчайших деталей изученные глаза, и выпалю, как будто на одном выдохе: «Откуда? Любовь? Хм… Представь, что я – это миллиарды разных обличий. Сейчас я – спокойное прозрачное морское дно, через секундочку – крышисрывающий торнадо. Ещё через мгновение я – актриса, шагающая по красной ковровой дорожке. А с понедельника я – растревоженная пятница. А в среду – индиго, остро чувствующее сухость чужих нагих душ. И потом резко тучи – тучи-тучи… А я капелька, стекающая по лобовому стеклу. Я – вой серены. Я – лай соседкой собаки. Через неделю я – сворачиваюсь клубочком, мурлыкаю и урчанием заполняю пустоту прохладной комнаты. Через две недели я – страстная танцовщица, отстукивающая ритм каблуком туфельки цвета спелой клубники. Через месяц – я ночной террорист – обжора, захвативший холодильник и испачкавшийся сливочно-сахарным кремом.

А потом мне надоест носить сапожки, и я босыми ступнями пробегусь по только что выпавшему девственно-октябрьскому снегу. И как – нибудь я вдруг возомню себя величайшим шеф-поваром и перепорчу все продукты, оставив на ужин варёную картошку.

Ты, испугавшись словооборотов, остановишь поток моих мыслей немым вопросом. Мол, и что?

«А то, милая. Он любит все мои обличия. Он принимает каждую

составляющую меня. Он целует каждую секунду нашего общего времени. Он и есть мой личный маленький уютный мирок. Откуда я знаю, что это любовь?!?!?!?»

«Я, любимый, раньше бежала…»

Я, любимый, раньше бежала
От себя до себя.
От вокзала и до вокзала.
От сентября и до сентября.

Я, любимый, раньше пытала
Свою душу в тёмном углу, разбирая на части.
Находила смысл и тут же его теряла
В бесконечно-прожорливой гонке-пасти.

Я, любимый, раньше искала
Лишь своё среди отголосков чужого,
И другим своё время растерянное прощала,
Не готовя себя для чего-то большого.

Я, любимый, всегда считала,
Что несчастны те, кто не видел на празднике жизни успех.
Ох, любимый, да если б я знала,
Что мой праздник – в каждой вибрации твоего смеха.

Я, любимый, дышала раньше
Только воздухом. Представляешь?
А теперь, мой любимый, ты знаешь,
Что мой воздух – ты. И простое счастье без фальши.

Я, любимый, теперь бегу
От себя до тебя. Не иначе.
И когда объятия твои остановят мою пургу,
Во мне каждая струнка расслабится и от любви жемчугом чистым заплачет.

«Только ванна, стихи и я…»

Только ванна, стихи и я,
И минуты плывут мимо.
Когда каждая мысль – вдохновение слишком тихого января,
Когда слышишь только свое дыхание. Понимаешь: как это красиво.

Как красиво просто быть.
Со всеми надуманными недостатками.
И как хорошо не впадать в самоанализ. Себя разрешить
Со сводом безумий-правил, экшн-законов и с беспорядками.

И вокруг тебя остыла вода.
И внутри лениво кипит бунтарь.
Но зато ты знаешь, что в голове твоей абсолютно-кайфовая ерунда,
Которую так лелеял доныне ответственный разум-пресс-секретарь.

И черт возьми, но все же нажала на стоп,
Отодвинув галдеж с нутромнепрошенных улиц.
Не желая одной в толпе – сквозь
броскости всех европ,
С жар-птицей в душе, ловя попутно ненужных куриц.

«А что ты, в принципе, знаешь?..»

А что ты, в принципе, знаешь?
То, что позволено кем-то?
Или, быть может, то, что счастливым делает внешне?
Есть ли что-то, что вечер февраля-тоски превращает в вешний?
Есть ли хоть кто-то, от кого ты стоя ботинками на земле, летаешь?

А кто внутри тебя ходит?
Кто думает, принимает решения? Ты ли это?
Кто вынуждает будильник ставить на шесть сорок пять?
Кто кричит: «Задолбало!»
Но с безразличием запускает свой механизм. Опять и опять
Устремляя потухший взгляд к искусственному свету.

А кто тихо сомневается во всем этом безумии?
Кто стирает дозволенного границы?
Шёпотом, еле слышно орёт бунтом и революцией,
Но также упрямо сдает в аренду себя, покорно всем экзекуциям,
Едва справляясь с одним днем, перед Богом-дивана падая ниц.

А кто ищет счастье в Париже, Лондоне
Или в излюбленно-депрессивном Питере?
Кто километрами заполняет внутреннюю пустоту?
Место меняя, людей мимоходящих. На машине, на поезде, на плоту.
В платье, в туфлях со стразами, в шубе звериной или потертом свитере?

Кто же внутри тебя ходит?
Знает ли он тебя? Или совсем запутался
В бесконечной горячке.
Знает ли он, что по-земному никак не измерить гармонию?
Что в любом месте – кислые щи, если САМ ТЫ не творишь историю,
Если автопилотом чужих желаний кипишь в круговороте-спячке.

«Ты спишь, любимый, а я смакую нашими встречами…»

Ты спишь, любимый, а я смакую нашими встречами,
нанизывая каждое чувство-секунду,
Как петли на спицы.
Ты спишь, ну а мне не спится.
Я здесь. Реальность кричит: «Полундра!»,
А сердце спокойно в душе зажигает арома-свечи.

Ты спишь, мой милый. А я плету тебе сны вязью
Из самых нежных, ласкающих волн моря,
Муссоном тёплым моё дыхание.
Я вовсе не та, что была ранее.
Я раной жила, источая силы на псевдобеды и псевдогоре,
Не веря в любовь и в состояние – одночасье.

Ты спи, родной мой. А мне бы возле. Сопеть и сладко делить одеяло,
Поровну эту жизнь. На двоих.
Огромное в самом маленьком нашем мире счастье.
А по утрам: лениво вставать. И быть не у дел суетливой пасти.
Только в плену объятий самых родных.
Только с тобой, которого мне бесконечно мало.

«Боже! Спасибо тебе за него!..»

Боже! Спасибо тебе за него!
Честно – честно!
Это лучшее, что случилось со мной!
На земле пьяной быть от любви неземной,
И плевать – какая вокруг обнимает местность…
Боже! Спасибо тебе за него!

Боже! Спасибо тебе за него!
Что бы вокруг не тревожило нервы,
Что бы не нарушало гармонию,
Я – только с ним петлями-жизни вяжу историю,
И просыпаюсь, а в мыслях ведь он – первый…
Боже! Спасибо тебе за него!

Боже! Спасибо тебе за него!
Ты береги его нежность внутри, храни его силы.
Пусть он спокоен будет за нас двоих,
Пусть, как и прежде, заряжается от улыбок-простых
И от блеска моих любящих глаз.
Сердце с душой – разума вечнокричащего – старожилы…
Боже! Спасибо тебе за него!

Боже! Спасибо тебе за него!
Если мне выпал в этой игре – Вселенной любви – шанс,
Если планета вертится ради того, чтобы мы друг другом дышали,
Значит игра действительно стоит свеч. И не зря мы до нашей встречи играли,
Чтоб полноценно почувствовать счастье – нужно принять его в час-декаданс.
Боже! Спасибо тебе за него!

«Мне бы закрыть глаза и спокойно сладко уснуть…»

Мне бы закрыть глаза и спокойно сладко уснуть,
Но внутри тоска кусает, а мысли – колким снегом.
Мне бы уютно – рядом с любимым человеком,
Каждой клеточкой ощутить правильно выбранный путь.

Мне бы поближе прижаться сердцем, душой и телом.
За руку – не выпуская. Слов – не роняя ненужных.
Только дыхание. И ничего кроме прикосновений-жемчужных,
Только наш маленький мир, а остальное – пробелом.

Мне бы кричать от счастья. Петь вместе с лунной ночью.
Страстно, взахлёб и смело – прямо к тебе в объятия.
Каждый миг без тебя – словно рвущая струны апатия,
Каждый момент без родного голоса – в жалкие клочья.

Мне бы закрыть глаза и сладко-пресладко спать,
По-детски поджав ноги, обняв подушку холодную,
Но отпускаю к тебе мысли – любви – свободные,
Пусть свернутся в клубочек и греют твою кровать.

«К любви невозможно привыкнуть…»

К любви невозможно привыкнуть.
Она с каждым часом все шире и шире,
За кадром, в черновиках и в прямом эфире.
В хоромах царских, и в подворотнях, и в самой дешёвой съёмной квартире
К любви невозможно привыкнуть.

Любовь невозможно стереть.
Из памяти, сердца, из тела – рецепторов-кожи,
Если любовь – любовь, то она до глубин океанов и вулканической дрожи,
Если любовь – любовь, то каждый шаг с ней всех бриллиантов дороже.
Любовь невозможно стереть.

И никогда не обманешь любовь,
Ибо она выжжена лепестками и молниями на живую,
Ибо она с Верой, Надеждой однотонально и в унисон пульсом поёт аллилуйя,
Ибо она не ищет смысла. А смысл в ней каждой секундой танцует.
И никогда не обманешь любовь.

«А у нас за окнами разные города…»

А у нас за окнами разные города,
Кто сказал однажды, что расставание губит,
Тот и вовсе не пробовал никогда
Вкус любви, который так сладко дарят губы.

А у нас за окнами разные лица мелькают.
Ну, и что с того? Все равно между нами связь необъяснимая,
Отголосками настроения в сердце – дыханием рая,
И тоска друг по другу, упрямо душою гонимая.

А у нас – только мы. Но и это настолько много!
И не хватит Вселенной, чтобы вместить молчаливые чувства.
Если ты – против всего мира, то и я той же дорогой,
Ведь без глаз – океанов твоих мне становится пусто.

«А зима чёрно-белая правду не ищет…»

А зима чёрно-белая правду не ищет,
Ей хорошо и так. Спокойно. Тихо.
И чемоданы покует надкусанная неразбериха,
Ветер – «правильных» – мнений с севера свищет.

Но между «да» и «нет» всегда есть что-то:
Миг, момент, нежелание выбора или иное,
Счастье… Оно ведь действительно счастье, если простое…
Радость – она обязательно отражается в глазах у кого-то.

И этот «кто-то» – лекарство от всех тревог и земное спасение,
Самая чистая нежность, любовь, перевернутый жизни-смысл.
Тот, с которым течёт и ликует внутри каждая мысль,
Тот, который снаружи, как зеркало – проявление.

А зима чёрно-белая так субъективно-невинна и белоснежно-слепа.
Прячет под снегом голые ветки-былого.
Всё для того, чтобы с чувства начать большого,
Чтоб под ногами истины вилась тропа.

«Действительно… Поднимайся на горы, карабкайся, жилы рви…»

Действительно… Поднимайся на горы, карабкайся, жилы рви,
Из последних сил – к вершине успеха, где ждёт наимоднейшая красота…
Добивайся, кричи, все богатства бери или умри.
И как итог – наполняющая тоской внутривенная пустота.

Действительно… Ты хотел от жизни гирлянд, софитов и знакомств побогаче,
Этажей из пяти дом, до звенящего вымытый блеска.
Ты хотел пару – тройку машин. А как иначе?
Чтоб заполнилась антирадостью сердца – закрытого – бездна.

Действительно… Пусть в карманах бумага зелёная, словно смятые фантики,
И кораблики делай, пускай по реке – времени, да по ветру – мнимому.
Только железо логики, бетон душевности и ни капли сердечной романтики.
Только дань и акции – миру материально-ревнивому.

Действительно… Отправляйся на самолёте личном покорять, казалось бы, непокоренное.
Покупай непродажное. Цену назначь, чтоб было угодно.
Только это счастье!? Ужели это счастье влюблённое?
То, которое за руку, вместе шагает с Богом?

Тот Самый Человек

Смотри… Открываешь ты глаза, лежишь себе, завернутый в тепленькое пуховое одеяльце. Буквально в добровольном плену у него. Будильник орёт, а тебе плевать. За окном – минус двадцать. Ну и черт с ним, с морозом. Ветер свищет, снег разъяренный с каким – то отчаянием покрывает улицу и прохожих, ступивших на её территорию, от чего те вжимаются в свои смешные разноцветные шапки и в шарфы-змеи. И тут наступает момент холодных тапочек.

Знаешь, таких одичавших за ночь, превратившихся в сирот за долгие часы безножия. И этот кусок утра самый душераздирающий. Это даже хуже холодного кофе, либо соли, случайно опрокинутой в только что заваренный чай, либо отсутствия горячей воды в ледяное февральское время. Но и с этими тапочками ты справляешься, впрыгивая в них сразу же после того, как одеяло мужественно скинуто на кровать. Но и тут ты понимаешь, что все это, собственно, и не важно. И что тебе до Парижа все эти заморочки традиционного утра. И ты вспоминаешь лишь одно… Человека! Самого любимого. Самого близкого. Бьющего ритмом своего имени изнутри.

И уже ни тапочки, ни метель заоконная, ни разноцветные прохожие не имеют какого-то значения. Ты просто принимаешь их в себя, как данность, как контрастный душ Вселенной, как то, что идёт так, как надо. И с этой многогранностью принятия всего, ты понимаешь, что способен, наконец, стать СОБОЙ. Принять себя! И мир с радостью поворачивается лицом, подмигивая тапочками-сиротами, колючими снежинками, смешноворчащими и нелепоспешащими людьми с сугробами-ненужных – проблем на продавленных лжесовестью плечах. И все это благодаря ТОМУ человеку, кто осмелился доверить тебя себе. Кто полюбил каждого твоего таракана, расцеловал его в усы, покормил сладкими последними крошками и включил свет для уютной душевной атмосферы.

P. S. Я люблю тебя, Тот Самый Человек.

«А я так соскучилась…»

А я так соскучилась…
Как скучает ночь по звездному серебру,
Как по каплям всеобъемлющего ливня – летний зной.
Я люблю – люблю – люблю – люблю…
Просто так, естественно, неудержимо всей душой.

А я так тоскую…
Как тоскует самолёт без неба – жизньюокрыленного,
Как отцепленный вагон от состава скорого, локомотива.
В мире человека нет сейчас настолько красочновлюбленного,
В мире человека нет сейчас настолько радостносчастливого.

А я так молю…
Молитвой общею. Только нашей. Только от меня и до любимого-тебя.
Пусть слова летят сквозь расставания-тумана-пелену.
Знаю. Наяву, во снах, в осознанности-холода и в бреду горячего января
Сердцем жарким любишь-греешь-нежишь и ласкаешь лишь меня одну.
А я так соскучилась…

«Бег, оголтелый, вечноотсталый бег…»

Бег, оголтелый, вечноотсталый бег.
Дела ненужные. Незначительные, но напыщенные круговороты.
Мимо – рассвет, улыбка ребёнка случайная, лёгкий утренний снег.
Автопилотом – суета, стандартомыслие и буднесерые хороводы.

Будильник будит очередного с конвейера слишком ворчливого,
А ему и вставать не хочется. Спать бы вечно. От зимы до зимы.
Во сне – геройствовать, быть собой. И, наконец, слушать себя – любимого,
И смаковать-смаковать эти слишком смелые сладкие сны.

Ну, а потом, глаза полуоткрыв, полувстав, полупоев, полуживым нестись,
Шкуру напялив привычную, маску приклеив, сердце – в спящий режим.
И с восьми до пяти себя завести. И так завестись,
Чтоб потопить в пучине-важных-проблем души-непорочный-интим.

После – совсем разлагаясь, медленно-верно домой. Желательно к нелюбимым.
К тем, чьи до боли чужие души, в непонимании сохнут от жажды.
И чертыхаться, искать виновника, да прикрываться лживым миром,
И многослойно укутать себя от режущей больноправды.

И если вы скажете мне, что это ещё жизнь,
Я рассмеюсь до горьких-прегорьких слез.
Очнитесь, мои хорошие, вы же совсем не всерьёз?

«Слушай меня, Луна, мелькай за окном желтоватой улыбкой…»

Слушай меня, Луна, мелькай за окном желтоватой улыбкой,
А я расскажу лишь о нем и о том, как возле него – мне уютно, легко и беспечно,
И как для души-весны стал путем он млечным,
И сердце – оркестром в полном составе, а не как раньше – плачущей скрипкой.

Ведомая за руку счастьем, любовью и мигом неповторимым…
Люби меня долго-долго-долго, любимый!

Пой вместе со мной, Луна, не скрывай серебра-переливы за крышами многоэтажек,
Лови каждый вдох, ласкай этот мир самым нежным влюблённым взглядом…
Когда прижимаюсь к нему – ни-че-го-ничего не надо!
Есть только минута – момент! А остальное – не важно!

И как Москва-новогодняя-предрождественская – глаза сияют необъяснимо!
А ты люби меня долго-долго – долго, любимый!

И надо бы спать, Луна, наше время пошло, поплыло над встревоженным ночью городом,
Во мне – сотни тысяч снежинок кружат-парят и медленно тают,
А он – далеко, но всегда со мной. Он об этом знает.
И больше – ни на секунду и ни на йоту не обернусь холодом.

И оставайся навечно внутри – Богомхранимый…
Люби меня долго-долго-долго, любимый!

«Боже! Спаси метущиеся души, зажатые в тиски разумом…»

Боже! Спаси метущиеся души, зажатые в тиски разумом,
Лишённые голоса права,
Прозрачные от безразличия…
Уставшие от прогресса-мира-энергичного,
Глотающие суету, покорно идущие на расправу,
И потеряв дыхания-курс, дыша навязанной заразой.

Ведь каждый день их, как очередная масса серая – пластилина,
И взгляд – разбитый, словно фонари на забытой улице,
А руки-плетью опущены. Потеряны крылья.
И все мечты – на антресоли – пылью.
Безвольное тело бредет в одном направлении, сутулится,
А понедельник – утро – уже привычная «скарлатина».

Боже! Открой глаза им! Намекни как будто невзначай!
Пошли им странника-чудака. Пусть дивятся!
Пусть придут в ужас, дабы заново родиться,
Дабы в поединке победить себя-тряпичного. Яркой молнией разразиться!
И навеки спрыгнуть с маятников-крючка!
Боже! Устрой в душах их светоживительный раздрай!

«И знаю теперь: одно целое мы…»

И знаю теперь: одно целое мы,
Где не бродили бы наши тела усталые,
Души – всегда вместе
Парят над домами песней.
А по отдельности – слов-шепота-криков немых мало.
Нас развели дороги по разным углам зимы.

Богомдарованы. И планированы случаем.
Сердцемнаполнены.
Вдохом и друг для друга.
Больше ни шагу по забубенности-кругу,
Больше ни грамма-мысли-сломленной
И ни капли яда-тревог-ползучего.

Знаешь, хоть далеко, но все равно дышится легче.
Легче поётся, смеётся,
И по утрам просыпается улыбка.
Хоть голосит иногда внутри меланхолии-скрипка,
Всё же после тебя – вкус шоколада – любви остаётся,
Всё же с тобой – весна птицами певчими.

«Осталось дослушать прелюдию и вот оно… Счастье!..»

Осталось дослушать прелюдию и вот оно… Счастье!
Осталось буквально пару шагов,
И океан-мечты разольётся,
В ладони с неба посыпятся звезды-желания…
Ну.. А пока камнями внизтЯнущая тоска и безтебявыживание,
Ну, а пока до весны ещё ждать солнце,
Ну, а пока у серо-холодной разлуки мы в пасти.

Я знаю, Бог терпел. И велел тоже самое нам.
Не торопить мгновение, без суеты, тревог и ревущей-печали.
Спокойно ждать, словно моря-прилив-сил,
И все исполнится, что бы ты ни просил,
И всё напишется на судьбе – скрижали,
Осталось только вверить себя небесам.

Я знаю, знаю… Но так просыпаться без тебя тяжело,
Не слышать родное дыхание, не говорить молчаливым взглядом,
Вставать-по будильнику. Вовсе не от поцелуев.
Когда ты со мной, любимый, то каждый миг – неописуем,
А мир замирает вокруг, когда ты рядом,
И мимо – спицывставляющее зло.

«Надо же… Как Любовь наполняет Жизнью секунду каждую…»

Надо же… Как Любовь наполняет Жизнью секунду каждую,
Как отсеивает всё бегущее и неважное,
И выстраивает уютное счастье личное, многоэтажное.
Надо же…

Надо же… Сколько искренних чувств взаперти доныне сидело,
Сколько мечт-желаний – в зрительном зале несмело…
А теперь – полной грудью, взаимно-теплым взглядом и как никогда цЕло.
Надо же…

Надо же… А казалось – мира-богатства нужны, успех, слава, карьера…
И карманы тугонабитые. Вечнопраздничная атмосфера…
А богатство – оно в любви. Это истины главная мера.

«Сколько дорог истоптано…»

Сколько дорог истоптано,
Сколько вымощено тропинок на улицы «нектебе»,
Сколько мелодий мимо нот и мимо судьбы невпопад сказанные слова…
Все до тебя – бессмысленным опытом,
Дни до объятий твоих – листья, опавшие в октябре…
Милый, единственный, КАК я тебя ждала!

Верилось в то, что руками трогаешь, с доказательством.
В то, что наглядно, цЕло, ярко и перед носом.
В то, во что каждый со всей разумной ответственностью верует. Фактами догола.
Ну, а теперь не верится даже в предлагаемые обстоятельства,
Вместе – нектар любви. И за рУку – если со всех фронтов – занозы.
Милый, единственный, как я ТЕБЯ ждала!

Каждый, пускай самый крохотный и неприглядный угол мира – возле тебя -ДОМ!
Взглядами передаем друг другу Божественные послания,
Каждая ночь – чувствами нашими искренними светла…
Катится, варится, кружится сам по себе мимобегущий мир, когда мы вдвоем,
И исполняются самые потаенные, глубоко закопанные желания.
Милый! Единственный! Как я тебя ЖДАЛА!

«Что же хочется больше всего?..»

Что же хочется больше всего?
Обнять… Просто. Молча. Не думая и не играя.
Мимо ада и мимо рая.
И в объятиях-сердца почувствовать дом. А по сторонам – ни-чего.

Поцелуи. Сладки и медленны. Только наши. Безвременно-терпки.
И секундой каждой – невероятное наслаждение.
И любовь, у которой каждая клеточка – стихотворение.
Каждый вдох – счастье искренне- светлое и без фальши.

И сплетение рук. Как единое целое. Неразрывное, сильное-вечное.
Вместе – что угодно. И как угодно. И место любое – самое лучшее. Абсолютно.
Если вдвоём, то и ветер всегда попутный.
Если вдвоем, то кружится время довольное-быстротечно.

Что же хочется больше всего?
Прижаться, обнять, растворить себя в тишине самых родных рук,
Разорвав навсегда эту тяжесть съедающих изнутри разлук.

«Держи… Вот тебе минута золота. Мгновение, которое прожить от вдоха и до выдоха…»

Держи… Вот тебе минута золота. Мгновение, которое прожить от вдоха и до выдоха.
Без суетливо-мелочных дрожаний. Без завтраков, отложенных на завтра.
Без обещаний самому себе. Мол, как-нибудь мне будет это дорого.
Ну, а сейчас, помучаюсь немного с жизнью – вывихом,
С тоской-надежд, вагонами – безликих оправданий,
Где правит пластилиновая правда.

Держи! И что намерен делать ты? С одной минутой истины, с минутой – только лишь тебя.
Представь, в ней видно всё. И даже за границы вся. Ни масок и ни голосов – навязанных.
Готов ли телом, сердцем и душой – в просторы вечной красоты?
Не той, земной, которой сладко эго выстлано.
И больше не имеет смысла то, что сказано.

Ну, а теперь пойми, что каждая минута – золотая. И разделения на «до» и «после» нет.
И нет влиятельных перстов, что свысока пути рисуют картами твоих шагов.
И если ад внутри с моментами еле живого рая,
И если где-то брезжит тусклый, но тобой-зажженный свет.
Есть шанс огромный – в океане мнений в лодке-сердца и до любимых берегов.

«Здравствуй, мой Рим, в который вели меня все дороги…»

Здравствуй, мой Рим, в который вели меня все дороги.
Здравствуй, мой Путь!
Через туманы-ошибок, здравый смысл и чужие пороги
Шло моё сердце, отказываясь свернуть.

Здравствуй, мой Воздух! А как я дышала раньше?
Как мне хотелось вставать по утрам-ворчливым?
И каждый день начиная с душевной фальши,
Приторно-улыбаясь снаружи, внутри – ноябрём дождливым.

Здравствуй, мой Дом! Двери в котором открыты,
Окна распахнуты, и развеваются шторы – шелка на солнце,
А настроение – переливчито – александритом,
И за столом – радость души разольется.

Здравствуй, Любовь Моя! Нежность! Забота! Ласка!
Здравствуй, останься со мной навеки!
В самых простых вещах прячется сказка,
А в любви – самое лучшее раскрывается в человеке!

«Милая… Ещё несколько стихов, и Он будет рядом…»

Милая… Ещё несколько стихов, и Он будет рядом.
Ещё одна ступенька, и Он сидит на вашей кухне
Улыбается, а взгляд игриво из-за книги, словно солнца-луч.
Милая, и больше никаких тревог-разрушенных и боли-туч,
А старый безлюбовный мир рассыпется и рухнет,
И ты – порхаешь и под нос мурлыкаешь, и таешь шоколадом.

Милая, любовь ведь лишена загадок, страхов и неясности.
В ней просто всё. И гениально. Ярко-живо-сочно.
Любовь – свободой веет. Ветром южным греет. И не предаёт
Ни словом и ни мыслью. Скромно, тихо, без намёков-гласности.
Любовь жива. Поэтому и все вокруг живёт,
Поет, танцует, торжествует. Не иссякнет сей источник.

Милая, ты просто будь. И будь готова. Шагами океана Он спешит,
Чтобы разлиться в жизнь твою отныне и навеки,
Чтобы с тобой. Мечтами. Каждым днем – делиться.
И пусть пока в твоих колёсах-буднях спицы,
И не смыкаются на сладкий сон упрямо веки.
А сверху Бог глядит. И он вас, милая, благословит.

●●●

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла

А твой мужчина будет очень счастлив от того, что ты ТАКАЯ!
Такая – до малейшего взмаха ресниц,
До изящного изгиба кисти,
До едва уловимого поднятия вверх уголком губ,
До сладкого шума дыхания.
А твой мужчина – это не презент из рая.
Это жизнь. Со всеми взломанными нормами-границ.
Серебряный снег, спадающий хлопьями-фатой на прошлого-листья.
И в сердце-радостью- каждый стук.
И слово каждое – как жизни – влюбленновечное признание.

А твой мужчина – это дом,
В который хочется возвращаться.
Приходить в любом состоянии.
Уставшая, свежая, бодрая, ворчащая, сладкая.
Болтливая слишком или золотохранящая молчанием.
И ты – секундой каждой – искренняя импровизация.
Какая есть – в любом желании.
Горчишь. Грустишь. Волной безумствуешь. Иль шоколадкою.
Грохочешь нежной глупостью иль припарируешь знанием.

И никаких тревог, сомнений, душевных и нечаянных мук,
Догадок-совести и на пустыре-переживаний-разума.
А твой МУЖчина – отражение. Всё и сразу:
Защитник, правая рука, любви-хранитель, сердца-адвокат и друг.

«И каждый Божий день писать стихи…»

И каждый Божий день писать стихи…
О том, что жизни-соль – не в том, чтоб правилами быть.
О том, что каждая секунда – оборвется, словно нить.
О том, что важно верить сердцу, а не верноподданными слыть.

И каждый Божий день молоть грехи…
Жевать вчерашнее, готовить завтрашние слезы,
Переливать цунами-недосказанности-прозы,
Гноить-гноить в себе тревоги и сомнения – занозы.

А если каждый Божий день – чтоб именно по-божьи?
Рассвет – улыбкой чистодушной. Самое родное – рядом.
Внутри – все струнки. Все цветы. Парадом
Каждый вдох. И жизнь живая каждым взглядом.

«Почему-то всегда пытаются любовь судить те, кто не кормил с руки даже маленькой влюблённости – птицы…»

Почему-то всегда пытаются любовь судить те, кто не кормил с руки даже маленькой влюблённости – птицы,
Кому суждено на посту здравомыслия куковать, высекать из себя статую. И в век-тенденции родиться.
Кому слово – даже и не воробей. Орёл, парящий безразличием над пропастью-суетных-будней.
Тому, кто с радостью счастье променяет на стандарт комфорта и успех-величие – трутней.

А между тем любовь – не объяснить. Она врезается в каждую клетку. Каждыми мыслями.
Живёт тобою. Дышит. Строит замки, шалаши, переплетая ад и рай.
А сверху улыбается Бог. Сидит, болтает ножками и новые сердца для выстрела выбирает,
Направив души человечьи пО ветру, словно реки горные – чистые.

И сколько времени нужно испепелить для доказательства? И надо ли? Стоит ли?
Любовь всё вытерпит и перемолит пересуды, мнения и обстоятельства против.
Есть только светлое. Самое настоящее. И на любом повороте
Есть только мы. И то, что уберечь смогли.

«Первое декабря! С Зимой тебя, любимый!..»

Первое декабря! С Зимой тебя, любимый!
Это такая радость, ведь мы на один шаг ближе к нашей Весне!
Через одну Осень перешагнув навстречу друг к другу,
Вырвавшись из суетливого-бега-по кругу.
Только за рУку, только рядом. И не взирая на острые иглы извне,
С счастьем идём. Искрометно-неповторимо!

Первое декабря! За окном минус шестнадцать всего-то.
В сердце – дельфины и море со всеми оттенками неба,
Пальмы с кокосами спелыми, белый мягкий песок.
Ведь без души мир – резок, уныл и жесток,
Ведь без любви жизнь – словно из шелухи и щепок,
Ведь без крыльев-чувств не выходит полёта!

Первое декабря! Родной, так хочется мне уюта:
Домик-заснеженный, тёплый, согретый улыбками нашими,
Ёлка нарядная и украшенная заботливыми руками,
Мир… Крохотный по размерам, но всепоглощающий чудесами.
И за столом семья. Возле тебя, милый, мне ничего не страшно.
Возле тебя, любимый, будет живым каждое утро!

«Я даже во сне пишу нашу жизнь стихами…»

Я даже во сне пишу нашу жизнь стихами,
Рисую дыханием, сладкими снами маню Вселенную.
Разлука – в любви – ерунда эфемерно-тленная.
А расстояние – сокращается километрами чувств – нами.

Я даже в быту повседневном – вижу твои руки,
Заботливо из магазина несущие сладости,
И нежно-нежно. Ласково. Искренне. Радостно
Рядом с тобой. В солнце палящее иль в зубоскалие-вьюги.

И как же тебя мне хочется ждать с работы!
Уютно суетиться на кухне тёплой и маленькой,
А в сердце моём – растаял снег, и весенней проталинкой
Следы любви. А в душе – беззаботность субботы.

Какое же счастье – любить и любимой быть!
До самых мельчайших деталей, привычек, чёрточек, слов.
Какое же счастье… Какое невероятное счастье – жить!
И в каждом Богомотмеченном дне – ощущать Любовь.

«Пожалуйста, будь моим противоядием…»

Пожалуйста, будь моим противоядием
От голосов-мешающих полноту жизни вдохнуть.
Пожалуйста, направляй. Лучом света – держи меня в правильном курсе.
Дай остановиться, чтобы почувствовать истину в этом моменте-вкусе.
Чтобы клетками всеми до глубины познать суть.
В сердце – любовь хранить, словно палладиум.

Пожалуйста, защити. От ветров-ураганов-стихий страшного слова,
От наводнений ненужных слез,
От оползней-чуждых-тяжеловесных-мнений.
Ведь руки твои – «несущие воздух» – артерии,
Укроют в объятиях-тёплых от всех неистовых гроз,
И снова я начну ощущать себя дома.

Пожалуйста, только будь! Сердцем, душой, телом. И мыслями.
И на двоих – одна вера – в нас!
И на двоих – один маленький, но бесконечно-уютный Мир,
Тончайший верхний слой воздуха, собственноручный эфир.
И с новой главы. С новой страницы. Новый счастливый рассказ,
Который польется реками-душами нашими чистыми.

«Тебя никто никогда не поймёт…»

Тебя никто никогда не поймёт.
Запомни. Есть только внутренний ты. И точка.
Для остальных – лишь твоя оболочка
Танцует и улыбается, несмотря на гнёт.

Тебя никто не хочет понять.
Поверь. Есть только твоя жизнь. Замётано.
Никто не парит за тебя чувствами-самолетами.
Поэтому пристегнись и держись.

Тебе ничего никто не должен. Отнюдь!
Все лезут – урвать с твоей правды – кусочки лжи,
Заставить сердце закрыть, не снимая с души – паранджи,
Забыть, что на самом деле в любви – суть.

«Когда суета завертит так, что понадобится колесо пятое…»

Когда суета завертит так, что понадобится колесо пятое.
И когда со всех сторон задергают кукловоды верёвками.
Когда кажется, что едва балансируешь и вот – вот потеряешь сноровку,
И тело – как будто иное. И не твоё. Распятое.

Когда жизнь не жизнь. А проживание, отрываемое календарём,
Избитое буднями, еле скрашенное.
Опустошение. А по утрам – нет причины гореть огнём.
Когда воздух, словно краденный. И мечты взаперти, за решёткой.
Когда голос кричит внутри, но закрыт ото всех мнением-глоткой.

Когда думаешь. Ну, ещё чуть-чуть. И заживу! Да выйду на сцену!
Перемолю себя-прошлого, новый росток-настоящий проклюнется.
Будут гостями радость, любовь и счастье на моей улице.
И, наконец, я закончу эту тяжёлую, жалкую смену!

И тогда завершится «временно» вечноспелое.
Полетят птицы яркокрылые и душойговорящие,
И проснутся сразу все желания спящие,
А сердце – чаще и громче биться начнёт – смелое!

И тогда… Нет! Жизнь любить начинай сейчас!
И в секунду эту действовать ты спеши!
Не откладывай на потом, в бесконечное завтра – свою истину.
Если честен с собой, то Вселенная за тебя выстоит.
Если с сердцем идти, то не собьешься с пути-души!

Когда суета завертит так, что понадобится колесо пятое и шестое.
Останови движение и поставь на паузу то, что и без тебя крутится.
Если искренен, то обязательно счастье сбудется,
Самое лучшее. Самое невероятное. И огромное, и простое.

«Береги. Береги меня…»

Береги. Береги меня.
Пусть береженного Бог бережёт.
А ты береги меня.
С самого разноцветного утра-нашего и в течение дня
Вплоть до ночи,
Пока усталые веки ещё не закрыты на сон.
Пока дыхание частое – самый любимый музыки – фон.
Пока одеяло уютно лежит, словно кот, потягиваясь на наших телах.
Пока мы ещё помним о мелочах-жизни и суетливых делах.
Береги меня!

Береги меня! В сердце храни – улыбки для самых серых моментов.
А в карманах – сладости вместе с охапкой лепестков-комплиментов.
И в руках – силу – мою и свою береги.
Не отдавай никому. И мимо счастья – минут дорогих
Не ходи.
И сложи усталость недельную в постель.
Пледом-объятий укрой, колыбельную нежно пой,
В мечты мои предморфейные верь.
Береги меня!

«А у нас за окном – снег…»

А у нас за окном – снег
В белых рубашках пустил плясать свои запоздалые кристаллы.
Милый, я знаю, что ты усталый.
Что измотал до безумия наш бесконечный бег
Из одной реальности совершенно в другую.
Ну а я не скучаю. Нет. Я уже громко, но молча тоскую.
Кончились слезы из берендеевских рек.
И начался снег.

А у нас за окном – снег.
И я знаю точно – совсем скоро- мы будем стоять вместе.
За этим окном.
И слушать снежные песни,
Завьюженные, закрУженные. И нам ничего не будет стоить —
Глазами радоваться. Руками – любовь держать. И тепло
Разливать. По чашам души-нег.
Любимый, у нас за окном снег.

А у нас за окном – снег.
И он покрыл не только землю, терпеливо-строгую.
Он покрыл все печали мои с тревогами.
Законсервировал страхи. Выкрасил ярким светом – ночную слабость-одиночества.
Знаешь, родной, в это белоснежное время хочется
Лишь улыбаться. Мечтать кистью-сердца в самом большом размахе.
И тебя – внутри хранить, как оберег.
А у нас за окном – снег.

«Ох уж это время без тебя…»

Ох уж это время без тебя
Тянется. Как будто затаилось,
И минуты бережёт для наших разговоров и любимых взглядов.
Прячется. И за окном рисует кистью полуголого ноября.
Ждёт. Чтоб наше счастье зА руку сбЫлось.
И готовит фейерверки. А часы – в секунды маленьких побед-парадов.

Ох уж эти мысли без тебя
Не существуют. В главной роли у моей головы – ты.
И никак иначе. Режиссёр давно уж сдался окончательно.
Крики разума стихли. Сердце расцвело, лелея и любя,
А в душе-ребёнке снова сходятся мосты.
И мои тропинки-жизни больше не блуждают по касательной.

Милый! Всё вокруг – холодно, если рядом нет объятий самых близких.
Всё вокруг – чуждо, если голос твой не слышен.
Если руки расплелись, то потерян дом.
Я шепну на ушко ночи, цвета виски:
«Пусть любовь останется навеки многовыше!
Пусть же будет с каждым днем теплее нам вдвоём!»

«На самом деле, дар Божий и лучший подарок жизни – встретить друг друга…»

На самом деле, дар Божий и лучший подарок жизни – встретить друг друга.
Узнать из миллиона мелькающих лиц, лицо – то самое.
Глаза – родные по-вселенски.
Выйти прямиком к цели-истине из порочного-автопилота-круга.
И увидеть краски заката. Всецело. И по отдельности. Панорамой.
А по утрам – причины вставать веские.

А нам повезло! Мы встретили и узнали! И наши сердца потянулись душами.
И время сразу – шалело, хватало воздух зубами,
А вечера – за кофе-ароматами.
И мы с каждым вдохом становимся самыми лучшими,
Самыми невероятными чудесами.
А все, что до нас – расстаяло на губах сахарной ватой.

И кто- то не верит в любви-правду навсегдашнюю.
И пусть остаются в темноте от фонаря в шаге,
Чтобы поверить – надо забыть горделивости-флаги
И отпустить на волю ярлычность – вчерашнюю.

И я так счастлива, что суждено нам понять и принять Богомдарованный праздник жизни – любовь!

«Мой самый лучший!..»

Мой самый лучший!
В твоих руках – моё спокойствие, любовь и нежность.
Как хочется греться в них,
Глотая залпом время,
Растягивая смысл на двоих,
В обыденность не верить,
А верить в нас. И в чувств безбрежность.

Мой самый тёплый!
Забота – лучшее лекарство от упрямых аргументов внешних,
Так хочется к тебе в карман залезть,
И улыбаясь, слать все спицы-жизни к черту,
Или на кухне… Целоваться, хохотать и есть,
Гармонизируя одной волной-аккордом,
И каждый, хоть и зимний вечер, вешний!

Мой самый близкий!
Если зА руку, то ничего не страшно. И преград нет.
Нет боли. Нет печали, грусти, ран, обид, тревог кусачих.
Есть только счастье. Со своим особенным запахом СЧАСТЬЯ.
С тобой – минута в океане бесконечности – звучит иначе.
И я навеки стала – неразрывной линией, частью
Тебя. Укрывшись пледом из объятий от невзгод мира бренного и бед.

«Сын!..»

Сын!
Моя любовь – к тебе – все крепче и сильнее с каждым новым днем.
И счастье сердце наполняет, бабочками изнутри искрится.
Шесть лет тебе, а ты уже напоминаешь принца!
И взгляды озорные все взрослее и наполнены огнём.

Сын!
Какое наслаждение – видеть, как меняешься и как растёшь.
Ведь только сделал первый шаг. Сегодня – говоришь так мудро.
И пролетят года. И в очередное радостное утро,
Ты за руку невесту в дом родной свой приведешь!

Сын!
Ты знай, что я опора, тихая поддержка и сторонница всех твоих мечтаний.
Единомышленница ярая начал успешных, смелых и невероятных,
Быть твоей мамой, знаешь, Сын, так искренне приятно.
Быть твоей мамой – самое великое из земных желаний.

«Милая, ложись и спи…»

Милая, ложись и спи…
От бессонной ночи станет только хуже,
В океан не превратятся лужи,
Сколько бы не пелось до зари.
Милая, ложись и спи…

Милая, ложись и спи…
Пусть тебя обнимет одеяло,
Подарив тепло, которого так мало.
Проглотила улица безжизненные фонари.
Милая, ложись и спи…

Милая, ложись и спи…
У тебя на сердце волны моря,
И не завершится в этот миг история.
Без объятий-жара отдохни.
Милая, ложись и спи…

Милая, ложись и спи…
Не вдыхай на кухне кофе ароматы.
Шоколад забудь и растворись во сне аморфной ватой,
А сомнений тяжесть перед сном сотри.
Милая, ложись и спи…

«А я знаю точно – наша жизнь начнётся скоро-скоро. Знаю…»

А я знаю точно – наша жизнь начнётся скоро-скоро. Знаю.
Вот она уже. Шагами необъятными Вселенной сокращает расстояние.
Каждый миг с тобой – как первое наисладчайшее свидание.
Каждый вдох с тобой – как заново себя открыть. Навстречу раю.

А я верю. Слышишь? Верю! Ты – Мужчина! Тот, кто до конца и рядом!
Тот, с кем шелуха земная не страшна. С кем ветер-будней не изменчив.
И с кем раны заживут от поцелуев. Время нас не лечит.
Люди лечат. Самые родные. За руку. Мечтами общими. И взглядом.

Странно. Как порой нас за нос водят жизни-линии, играя судьбами в карты.
Чередой несчастий нас готовя к счастью.
Чтоб со всей душой. Открыто. Честно. И с глубокой страстью
Приняли в себя любовь, как Божий Дар, и отныне не боясь расплаты.

А я знаю точно. Скоро-скоро!

«Мне бы укрыться пледом. Напополам. От кромешности обстоятельств и от бумажности дней…»

Мне бы укрыться пледом. Напополам. От кромешности обстоятельств и от бумажности дней.
Мне бы из всех океанов, водопадов, озер и водоёмов – слышать голоса твоего горный ручей.
Мне бы сидеть не крылечке, прижавшись душой и телом к самой любимой – руке твоей.

Мне бы встречать с работы. Поцелуями. Сладкими, словно сны влюблённых птиц по весне.
Мне бы на кухне импровизировать ужин, бесконечно и вдохновенно думая о тебе.
Мне бы закат за столиком на двоих смаковать чашками кофе и смеяться в глаза предрассудкам-борьбе.

Мне бы тебя – уставшего-одеялом тёплым из моих каштана-волос
Укрыть. И на плечо – родное. Без тревог, дождей на душе и настроения-полОс
Обернуться радостью, счастьем, миром, гармонией, лепестками нежности-роз.

Мне бы тебя, любимый!

«В любом месте – дом, если я в объятиях твоих…»

В любом месте – дом, если я в объятиях твоих.
И неважно – время, место, обстоятельства, город.
Обними меня, скорее обними. Мир заботится о нас двоих.
Для меня весной цветёт ноябрьский холод.

Твои руки – вечнолюбящие, укрывающие от проблем.
В них – тепло, уют, мгновение, плывущее часами.
Твои руки стали для меня, определённо, всем:
Раем, былью, сказкой, истиной-любви-парусами.

И вокруг реальность самая живая стелется.
Краски дней сольются в чаши две – радостью и счастьем,
А сердцам без разницы – ливни за пределами их или метелица,
Лишь бы вместе. И тогда не страшно ни одно ненастье.

Ведь в любом месте дом,
Если я в твоих объятиях.

«Молчи. Не говори, пожалуйста, ни-че-го…»

Молчи. Не говори, пожалуйста, ни-че-го.
Дай просто сердца твоего ритм слушать,
Дай просто прочитать тебя в глазах-родных.
Молчи-молчи. Держи за рУку. Радуйся вещам простым.
Пойми наивную, прекрасную свою душу,
И, наконец, пойми себя самого.

Молчи. Слова, порой, помощники разума.
А у любви помощники – глубокие взгляды,
Да нежности-объятия самые – самые.
Молчи. Лечи молчанием общие расстояния-раны.
И пусть сейчас телами бренными мы не рядом,
Но ведь Москва не строилась сразу.

Молчи, любимый. Говори, только если веришь в эту силу слов.
И только если хочется делать, строить и смеяться вместе.
Ты знаешь. Говорила я уже, что мы с тобой из одной песни.
И сердца два давно познали наивысшую любовь.

«Ох, как бы я хотела лунным светом в постель к тебе…»

Ох, как бы я хотела лунным светом в постель к тебе
Сквозь щель пробиться между сонхранящих штор,
Подслушать сердца-ритм-любимого и сна-скользящего разговор,
И раствориться сладостью на груди-родной в темноте.

Ох, как бы я хотела ночью кареглазою – в руки,
Чтоб смаковал, да горьковато-пряный кофе пил, разбавляя вкус во рту шоколадом.
Осыпаться в мечты твои самые заветные – звездопадом.
И ни одну секунду более не испытывать струнырвущую разлуку.

Ох, как бы я хотела кухню – уютомдышащую. И халат нацепить,
И, стоя, у плиты, мурлыкать тебе песни, только что душой придуманные-нежно.
На волю – град желаний, вихрь надежд, эмоций океан безбрежный.
И чувства от меня – к тебе не держать отныне на цепи.

Ох, как бы я хотела…

«М и Ж встретились из одной песни…»

М и Ж встретились из одной песни.
А до этого – долго рифма не складывалась. И
Сколько дорог истоптано на нотоносцах, мимо сердца – известий,
И миллионы раз собраны из души рюкзаки.

М и Ж отчаивались по отдельности,
Не излучая. Не сочиняя ни мелодий, и ни слова – в линию с гармонией,
Каждый раз шагая по пути-слепому с неизвестностью,
А реальность с разумом мешая лишь теорией.

М и Ж уже практически смирились.
Думали: наверное, так должно быть в жизни. Не исправить.
То, что сбыться по судьбе дано, то сбылось.
И все сказки, что душа в любви может крылья нежные расправить.

А потом М и Ж встретились. Из одной песни.
Из одной мелодии полилИсь бесконечно-теплые их голоса.
В унисон. Аритмично. Мимо нот земных. Но так созвучно-вместе,
Что сдалась Вселенная. Разукрасив жизнь общую в чудеса.

«Каждая мелочь, каждая великолепная мелочь возле тебя – праздник-радости…»

Каждая мелочь, каждая великолепная мелочь возле тебя – праздник-радости.
Нет у любви времени. Нет у любви срока годности.
Есть только всё-жизньюпропитанное.
Нет у любви сердца-разбитого.
Любящие не знают напыщенной гордости.
Кто позвонил первым!? Кто написал первым? Какая разница! Если дУши всегда в состоянии благости.

Вдох… Казалось бы, так естественно. Выдох – все знают, это процесс привычный.
Но для меня вдох и выдох – с тобою связаны.
Сердцебиение битом – твой образ лелеет буквами имени.
Целый мир взамен на тебя? Выменяю!
Ведь этот мир заботливый – кружит в твоей Вселенной. Фразами, Мыслями строя невероятное и по-простому сказочное счастье личное.

«Кофе с капелькой молока…»

Кофе с капелькой молока,
И как будто бы ночь легка,
И как будто сквозь расстояние меня коснулась твоя рука.

Кофе с запахом наших встреч,
Будто бы аромат лечит.
Будто твоё родное дыхание
Обжигает линию плеч.

Кофе – на ночь. Уже ритуал.
Звёздная нить с неба пропала.
А тебя – такого любимого. В сердце – огромного. Мало. Мало.

«Девочка! Тебе 14…»

Девочка! Тебе 14…
Пусть кажется, что весь мир играет против правил,
И каждый день как будто бы предательством отравлен.
И близкий – будто бы не знает, что внутри тебя творится.
Девочка, прости им. Ведь они не в курсе, что ты – птица.

Девочка, тебе 14…
И пусть плюются фразами, что тратишь время зря на пустоделие,
Ты трать. И знай. В твои мечты крылатые поверю я.
И замки строй в воображении воздушно-облачные,
А каждый вдох – твори с надеждой красками сочными.

Девочка, тебе 14…
Влюбляйся в жизнь. Пора! Твоя тропа – через мгновение – дорога.
И пусть с тобою в шаг ровняются сомнения, тревога.
Ты сможешь. Через все барьеры. К своему пути!
Девочка, тебе 14! И так легко тебе парить-идти!

«Завтра ноябрь? Правда? Да неужели?..»

Завтра ноябрь? Правда? Да неужели?
Скажите, что холода, да дождь упрямо-жгучий?
На небосводе тучи, тучи, тучи…
В бесконечной сырой карусели?

Завтра сородич зимы? Вы не врете?
Листья кружили, опали, да сгнили?
Жженый запах теперь вместо лета – ванили?
И сквозь свинец-над головой не быть мне в полёте!?

Завтра голодный месяц до жара-объятий?
Месяц домашних животных, да кресел-уюта?
Чая с мёдом – сладко-родного блюда?
И редких шагов возле двери приятелей?

Завтра пора одиночества вокнаглядящего?
Время – для мыслей странных, но не испитых?
Время – латать раны сердца – корыта?
И как никогда чувствовать настоящее?

Завтра ноябрь? Правда? Да неужели!
А у меня апрель. И звенят капели.

«Завьюжило, заметелило…»

Завьюжило, заметелило…
Задремала реальность усталая,
Наряжусь-ка я в платье алое,
Чтобы в жизнь моя песня поверила.

Закружило, засуетило…
Время-нагруженно слишком словами,
А я кофе пью напополам с небесами,
И в улыбке своей отражаю Светило.

Заарканило, запортачило…
Люди-тени за руку с прошлым-надежд,
А я здесь. Где-то в мире. И между,
Возле душ лепестками, да врачевателем.

Засомневалось, да растревожилось…
В городе слишком бетонно-глухо.
А я сыграю роялем. Для музыкального слуха
Мимо клавиш. И отпущу разума-вожжи.

И пусть где-то на дне и на поверхности чьи-то сУдьбы творятся.
Сами или по воле Божьей.
Знай, любимый, мне только твои глаза отныне снятся,
И для меня – нет этих снов дороже.

«Если у твоей дороги нет сердца. Остановись. Выдохни. И оглянись по сторонам…»

Если у твоей дороги нет сердца. Остановись. Выдохни. И оглянись по сторонам.
Дышишь ли ты вообще в этом своём пути!?
Знаешь ли рядомидущих, режущих жизнь твою на части?
Не продиктован ли сей поход отчаянной жаждой власти!?
Хочется ли тебе и дальше, впиваясь во время, идти!?
Веруя и поклоняясь выдуманным лжесовестливым богам.

Если твои поступки не гармоничны с душой, рвущей тела-одежду.
Просто молчи. И слушай себя. Это трудно в начале. Ведь голос разума – слишком громкий,
А наша истина – от других закрыта железом-заслонки.
Отметай чужое, ищи комфорт лета в плачущей серости ноября,
И никогда! Слышишь! Никогда не теряй надежду!

Ты – это ты! Никто кроме тебя – тебя не знает!
Не ощущает внутри то, что ты ощущаешь.
И не живёт твоей полноценной жизнью-мгновением.
Неустанно ищи. В каждой секунде любовь – вдохновение.
Не побеждай. Ведь так ты и не проиграешь.
И не дели этот Мир, реальностью сытый от ада и рая.

И тогда у твоей дороги будет сердце!

«А у меня такая осень с тобой… Разноцветная…»

А у меня такая осень с тобой… Разноцветная,
Разудалая,
Растревоженная стрАнница.

Глотает волны у берегов чувств-морей прибой.
По-южному ветренна,
По-апрельски талая
Богом – избранница.

А у меня такие с тобой песни…
В душуглядящие,
Миромнашимлюбимые,
С послевкусием Испании.

И в затишье-молчании зА руку ходим – вместе
Через толпы галдящие,
Самые невероятно-счастливые,
Словно в общем совпавшим желании.

А у меня с тобой и осень – не осень, а весна бесконечная…
Лунными интонациями-ночей
Полная,
Блики от наших улыбок-сердец,
Звезды горящие, но не сгорающие никогда.
Безусловно-хранящая любовь. Лёгкая. Девятитонная.
И в обряде церковном – венец,
А глазами друг другу: «Да!»

«Не ешь сладкое – калорийно…»

Не ешь сладкое – калорийно,
Не мысли, а то уйдёшь посреди спектакля
И, ни дай Бог, не вернёшься.
Не говори за себя.
Всегда найдётся кто-то,
Кому надо за всех и за вся,
С кем согласишься и безжизненно улыбнёшься,
Бесповоротно себя закатав в банку-вздыхающего-ноября.

Не кружись в вальсе-желаний,
Стой вместе с роялем-мечт в кустах-эмоций,
А партитуру свою – сожги к чертям.
Смотри, ты так искренне нравишься суетливым друзьям,
У них наготове всегда советов и предложений-порций.

Не беги с дождём – промокнешь.
Вытащи зонт, надень дождевик-уныло-серый и переставляй ноги железно.
Выброси свитер старый – облезлый,
Ну а вместе с ним – выброси свою тень.

Здесь экономика. Спрос растёт на безлико-смелых,
Подкрепляя добром шуршащим безрадостные карманы.

P. S. А ты иди – к себе. Сквозь паутину-обманов. Через туманы.
И ни победы ради. Ни ради лавр-кричаще-первых.

И помни… Только ради пути – стоит тебе идти.

«Только тебе. Слышишь? Только Тебе!..»

Только тебе. Слышишь? Только Тебе!
Все, что угодно: мысли, стихи, время, себя.
От сентября согретого до сентября…
Только тебе. И никому другому.

Только с тобой-думами за руку выхожу из дому.

Дождь вперемешку с грустью ласковой о тебе.
Слишком много родного местоимения.
Только я – для тебя – сердца-души-владения.

И за калитку – сквозь города-вдвоём.

Только с тобой новый день поём и поём.

Где-то в Париже, может, и ходят в рваных, но модных кедах,
Где-то в Милане дерзкие сочиняют мечты.
А мне бы, любимый, тебя бы кормить обедом.
И любоваться, как улыбаешься ты.

Только тебе! Слышишь?! Только тебе

«Говорят, что в счастье стихи молчат…»

Говорят, что в счастье стихи молчат
И не пишут тебя. И не тревожат сон.
И как будто мир во все щеки смеётся, сладко-влюблен,
От врагов-тревог навсегда закрыта сердца-парча.

А мне только и хочется, что про тебя – километры слов из золотых мыслей-нитей.
На губах —
Спелую вишню
Воспоминаний-за рУку-событий.
И любить,
И желать,
И каждое утро ценить настолько, насколько это возможно,
Насколько трелями птицы будят после зимы весну-кареоокую,
Насколько ветка сирени перед грозой говорит окнами,
Насколько чувства мои из покрывала-снов к тебе – в кровать.

Говорят, что сразу станет спокойно-ровно,
Как после дождя – радуга выцветает размыто,
И что никогда-никогда небо упрямо больше не красится серо-сердито,
И каждая фраза – на месте – дома.

А мне хочется, дико хочется – переливаться молнией, сыпаться искрами, да взрываться салютом.
И тебе – на тарелочке
Самым изысканным блюдом.
И мечтать,
И дышать друг другом.
А пальцами – к твоему лицу. Гладить, чувствовать, словно по вОлнам родным-морским,
А ногами босыми бежать. И смеяться. И время-пески
Из тебя – в меня часами ударов-сердечных. И снова. И снова по кругу.

Говорят… Да Бог с ними. Пусть говорят. Пусть! Ну же!
Что нам, милый, до них – есть ли дело?
Идеальный? Именно! Только то, что хотела!
Только тот, с кем до конца жизни. Тот, кто навсегда нужен!

«А это толпа одиночества…»

А это толпа одиночества,
Что от нас хочет?
Ей тишины хочется?
А может историй-почерк?

А эти лица в рамочках,
Болеющие правилами,
Со всех сторон ремарочки
И точки все расставили.

А ты же шагаешь рядышком,
И 5 через 2, как веером,
Дышать через раз. И вкладышом
В цитаты-прошлого веруешь.

И снова толпа одиночества
Из ряда в ряд. И метр квадрата.
Под номера имена и отчества,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.